

20.05.11

Олег Слободчиков

Послесловие к Крейцеровой сонате

Рассказ

«Что наша жизнь? Командировка? Мысль, однако, не нова!» - подумал критик столичного литературного журнала. Он зевнул, потянулся, свесил ноги с просиженного гостиничного дивана. «А всякая командировка есть ожидание ее конца!» - пробормотал вслух и бросил на тумбочку раскрытую книжку местной поэтессы.

Стихи были чувственными, чрезмерно искренними, попытки философских обобщений – небезынтересными, хотя не без штампов и подражания. Пытаясь разобраться в первом впечатлении, Вадим Владленович усмехнулся в стриженную бороду. Воображение услужливо нарисовало экзальтированный образ высокой, стройной, образованной тридцатилетней девицы в очках, за внешней скромностью которой скрывались страстная душа и рациональный ум. Оформление книги было провинциально бездарным: у дизайнера не хватило воображения ни на что иное, как под названием «Золотая осень» изобразить желтый лист. Фотографии поэтессы на сборнике не было. Опытному литератору это говорило о многом.

Вадим Владленович встал со скрипнувшего дивана, еще раз потянулся и взглянул на себя в мутное гостиничное зеркало. Седеющая борода выглядела аккуратно подстриженной, хотя за несколько дней успела отрасти и старила. Это была не дремучая борода и не трехнедельная кочерыжка: она требовала ухода, а цены в иркутских парикмахерских, впрочем, как и в магазинах, были дикими.

Вадим Владленович тоскливо взглянул на свои залысины, на мужицкий нос картошкой, который с некоторых пор стал выдавать тайное пристрастие к алкоголю, и залюбовался шеей. Шея была хороша: в меру, по-юношески длинна, без морщин и складок. Кабы не она, можно было отпустить бороду подлинней. После сорока лет в его облике появилась некоторая схожесть с известными портретами Льва Толстого. Вадим Владленович не без тщеславия подчеркивал это сходство, пользовался им, но в глубине души оно его ничуть не радовало. Особенно нос.

Вчера на творческой встрече в Иркутском Доме литераторов московскому критику насовали много местного литературного хлама. Авторы надеялись на рецензии в столичном журнале. Вспомнить девицу, подарившую ему этот самый «Осенний лист», он никак не мог. Смутно всплывало в памяти белое пятно лица в первом ряду, премилое умиление и целомудренное смущение, едва их взгляды встречались. Остальное дополняло воображение.

От встречи с местными писателями и поэтами у Вадима Владленовича остались не лучшие воспоминания. Как-то неорганизованно все прошло. Был

плохонький растворимый кофе с сухим молоком, теплая минералка. Вентиляция в зале не работала. Правда, продолжительный ужин в ресторане за счет местного комитета по культуре окупал пережитые неудобства: сибиряки любят блеснуть гостеприимством.

Вадим Владленович снова взял в руки просмотренную книжку. На последней странице синей пастой и очень крупными цифрами был написан номер телефона. Он был не столько написан, сколько нарисован, будто смущенные глаза в цифровом изображении умоляли о встрече.

Кирпичные стены Иркутской гостиницы были непомерной толщины. Массивные полуторасаженные окна закрывались темными шторами. Тяжелые, как из металла литые, оборки и ламбрекены уходили под сводчатый потолок. Строилось здание в начале двадцатого века сибирскими купцами, любившими прочность, надежность и основательность. Несмотря на тщательную отделку под «евро», многое в гостиничном номере напоминало об отживших нравах.

Выезжая из Москвы, Вадим Владленович надеялся поработать вдали от столичной суматохи. Неспешное времяпровождение возможно только вдали от дома. Но не получалось. Издержки цивилизации просочились даже сюда, причем в некоторых своих проявлениях в особо извращенной форме.

Снова и в который раз зазвонил телефон. Вадим Владленович неприязненно глядел на аппарат до четвертого звонка. Затем сурово, как перед поединком с игровым автоматом, поднял трубку. Густые брови насупились пуще прежнего, когда он услышал мягкий, доверительный и равнодушный голос:

- Вы не желаете провести время в обществе девушки?

- Девушка! Я повторяю! – резко вскрикнул Вадим Владленович. – Вашими услугами не пользуюсь!

- Это ужасно! – пробормотал, бросая трубку на аппарат. Номер гостиничного телефона он никому не давал, Номер его комнаты знали только организаторы встречи. Нужные люди звонили на сотовый. А вот ведь, посетовал сам на себя, не удержался и снова поднял трубку. Мысленно обругав себя, Вадим Владленович плутовато ухмыльнулся и его брови взлетели по высокому лбу. «Впрочем, почему бы, собственно, не позволить себе маленькое приключение в чужом городке?»

Прижав пальцем последнюю, непослушную, страницу книжицы, он набрал номер с гостиничного телефона. Голос отозвался вполне деловой, но, услышав, кто звонит, зазвучал с придыханием и истомой.

- Я так благодарна вам за звонок, Вадим Владленович! Так хочется с вами поговорить! Может быть, встретимся в кафе под вашей гостиницей? Если, конечно, вы не очень заняты.

Сдержанным тоном уговорившись о встрече, он стал неспешно одеваться. Костюм тот же, рубашка, конечно, только белая: иных он не признавал. В несвежей явиться на встречу не решился, а свежая была только одна и

приготовлена для завтрашней, последней встречи. Вечером самолет и... И прощай Сибирь!

Затягивая галстук, он снова взглянул на себя в зеркало и подмигнул отражению: «Однако, какой же вы урод, ваше сиятельство!»

Вадим Владленович спустился в кафе минут на пятнадцать позже оговоренного времени, уверенный, что его ждут и кофе стынет. Свободных столиков было много, но одиноких женщин, узнавших его, он не увидел. Все это так не вязалось ни с образом провинциальной поэтессы, созданной его воображением, ни со вздохами и восторгами, которые выслушал по телефону, И все же он не повернул к выходу, а сел против входа, раздумывая о том, что маленькое приключение может как украсить командировку, так и опошлить ее.

Она влетела в зал, как из подворотни вылетает перепуганная курица. Моложава, но под сорок. Короткая и пышная как у хохлатки прическа была выкрашена в пламенный цвет. Формами и пропорциями местная поэтесса походила на породистую птицу.

- Простите, Вадим Владленович! – закудаhtала она под его строгим взглядом и с удивительной для ее пышной фигуры легкостью влилась в пластиковое кресло. Ни раньше, ни позже, но именно в тот миг нелегкая принесла официантку в накрахмаленном фартучке.

- Что будем заказывать? – спросила она, равнодушно оглядывая литератора.

Он раздраженно хмыкнул розовеющим носом и ворчливо попросил кофе черный без сахара. О том сколько, умолчал. Но Курочка тут же прокудаhtала с якобы милой рассеянностью:

- Мне с молоком... И эклер!

Ничуть не смущаясь строгого, насупленного вида столичного гостя, она продолжала излучать восторг и умиление. Жизненный опыт подсказал Вадиму Владленовичу, что за невинной внешностью скрыты острые когти хищницы. Он мгновенно сообразил, что не хотел бы оставаться с поэтессой наедине, а, следовательно, душевный разговор о достоинствах и недостатках сборника в гостиничном номере отменялся. Чтобы отделаться от нее, достаточно было нескольких сухих и стандартных фраз. Вадим Владленович имел богатый и печальный опыт подобных встреч.

- Я так волнуюсь! - заворковала Курочка октавой ниже, будто отряхивала перья после казуса. В ее глазах засветилось искреннее и пристальное любопытство.

Негромко звучала музыка. Пьяных в зале не было. Казалось, что люди сидят, молча и вдумчиво разглядывая свои чашки. Душно пахло вином и сигаретами. С невидимой кухни веяло жареным луком.

- Соня – ваш псевдоним или настоящее имя? – рассеянно спросил Вадим Владленович, разглядывая посетителей.

- Сонька... Золотая головка! – вдруг хохотнула она, тряхнув огненной прической. – Меня Таней зовут.

- Ну, что ж, Таня так Таня! - равнодушно согласился Вадим Владленович. – Меня можно называть просто Вадимом.

Он чувствовал себя оскорбленным – ни кофе, ни должного внимания к его персоне не было, да и на него Таня-Соня почему-то перестала смотреть. Ее цепкий взгляд несколько раз скользнул куда-то вбок. Лицо в очередной раз преобразилась. Может быть, даже похорошело.

- Ах, Вадим! – чувственно всхлипнула она, закатывая глаза и морща торопливо припудренный лоб. - Если бы вы знали, что за баба сидит там, в углу, прямо напротив вашего левого уха... Только не оборачивайтесь, - прошипела вдруг скаредным баском. - Была бы я мужиком, такая встреча переменяла всю мою жизнь. Это не баба, это сейф с баксами. Не хотите познакомиться?

- Мне своих баксов хватает! – Вадим Владленович был так глубоко разочарован выходом из номера и неудавшимся приключением, что хотел одного: вернуться за надежные, толстые стены гостиницы. Жаль было напрасно надетой свежей рубашки, но полчаса в не слишком прокуренном зале вряд ли могли испортить ее белизну.

- Была - не была! – тряхнула она огненной головой и решительно сверкнула подкрашенными глазами.

Скрипнул по паркету отодвигаемый стул, скользнула пепельница по столу. Она снялась с места, как наседка с гнезда. «Встала на крыло», - язвительно усмехнулся вслед Вадим Владленович. Шаловливо поигрывая бедрами, Соня-Таня проплыла к стойке, напомнила о заказе, как бильярдный шар от борта покатила оттуда к столику, за которым сидела женщина средних лет, одетая строго и скромно: той скромностью, на которую у большинства не хватает ни денег, ни вкуса. И то, как она подняла глаза, как улыбнулась, поправив указательным пальцем локон высокой прически, было сделано с изяществом и достоинством, которые прививаются с ранних лет настойчивым воспитанием.

Вадима Владленовича мучительно напрягал память и не мог вспомнить, где видел эту женщину. В том, что он близко знал ее, или очень похожую на нее, не было сомнений.

Сонька-Танька уже восторженно кудахта, наклоняясь над чужим столиком, как над кормушкой, но в этот раз не смела присесть на краешек свободного стула, не то чтобы плюхнуться в него. Женщина обернулась в сторону Вадима Владленовича. Их взгляды встретились. Между ними было шагов десять. Посередине колыхалось слоистое облако: за столом курили. И все же он отчетливо увидел темно-карие глаза, внимательные и строгие. Волосы были черны естественной чернотой, а редкая проседь, наведенная или естественная, придавала им голубоватый оттенок. Лицо женщины было смугловатым, как у южанки, но без признаков межрасового смешения. Вадиму Владленовичу казался знакомым и классический полуоборот ее головы.

Они смотрели друг на друга немного дольше приличного. В этом затянувшемся взгляде не было ни смущения, ни бабьего любопытства, но много спокойного и достойного аристократизма. Ему показалось, она узнала его. И это

льстило самолюбию литератора. «Французская диаспора татарского происхождения в русских, то бишь, в сибирских степях или лесах» - подумал он, любуясь незнакомкой. Редакторская логика торопливо отыскивала первоисточник мысли у классиков и остановилась на Льве Толстом.

Между тем Сонька-Танька все-таки присела и что-то напористо залопотала. Ее пальцы бегали то по рукаву, то по талии, изображая какие-то оборки и размеры. Вадим Владленович догадался, что речь шла об одежде.

Принесли кофе. Чуть взволнованный впечатлением, он решил прочистить память рюмкой коньяку, и, отхлебнув из чашки, направился к стойке бара. Но едва сделал шаг, их взгляды с незнакомкой снова встретились. Обернулась и Таня-Соня, рдея от счастливого смущения. Запросто махнула рукой, подзывая к себе. Женщина смотрела все так же пристально, но в рамках приличного. Вадиму Владленовичу ничего не оставалось, как подойти к ее столику.

На вид ей было лет сорок, которые она не только не пыталась скрыть, но подчеркивала одеждой и макияжем. Скорей всего, дома в непринужденной обстановке она выглядела моложе. Причудливое воображение писателя смоделировало ее образ в пеньюаре. Это была даже не фантазия, но мимолетное видение сна. Вадиму Владленовичу почудилось тепло ее дыхания на щеке. От наваждения громко застучала кровь в голове, а на лбу выступила испарина. Чего-то испугавшись вдруг, он подумал: «Может быть, мы когда-то танцевали?»

- Наш гость из Москвы! – кивнула Танька-Сонька с таким видом, будто это он, известный публицист, добивался ее расположения. Через миг она сообразила, что перебрала тоном и жестом и виноватая, заискивающая улыбка расплылась по лицу, в ее глазах мелькнула собачья настороженность.

Вадим Владленович равнодушно отметил про себя ряд внешних превращений Тани-Сони, представился и назвал редакцию журнала, в котором работал.

– Журналист, публицист, критик, не преподаватель, но иногда читаю на гуманитарных факультетах... - Пока он говорил, они с незнакомкой, не отрываясь, смотрели друг на друга, то ли изучая, то ли вспоминая что-то свое, потаенное.

Ее взгляд прояснился лучистой улыбкой, будто она разом нашла ответ на мучившие вопросы. Женщина представилась Марией Александровной и предложила сесть.

- Теперь понятно, почему мне знакомо ваше лицо, - сказала, глядя с любопытством. – Я много лет читаю журнал. И ваши статьи – тоже.

- Приятно слышать, что нас еще читают! – небрежно обронил Вадим Владленович, усаживаясь напротив. – Порой кажется, что ни наш журнал, ни мои опусы уже никому не нужны. – Краем глаза он видел, как Сонька ерзает на стуле и сучит тучными коленками.

- Это Мария Арт! – не сдержавшись, она все-таки вскрикнула раненой птицей, едва в диалоге наметилась пауза. – Самый знаменитый модельер Иркутска, что у вас Слава Зайцев!

- Я встречалась с вашим бессменным главным редактором лет десять назад. Мы беседовали, - продолжала Мария Александровна, проигнорировав Сонькин вопль. - Едва ли он это помнит теперь, но на меня та встреча произвела впечатление. И некоторых сотрудников я знаю. Кстати, Филимонов все так же бородат и лохмат, как десять лет назад?

Последняя фраза была обронена Марией Александровной с легкой иронией. Она уже хотела сказать что-то другое. Но Вадим Владленович со снисходительной улыбкой под стриженными усами уточнил:

- Я знаю Филю больше двадцати лет, и ни разу не видел его небритым. У него время от времени появляется пучок волос на подбородке, но назвать это бородой я бы не решился.

- Ах, я все перепутала! – чуть склонила голову Мария Александровна и глаза ее из темно-карих превратились в сине-зеленые. – Всех вас я лучше знаю по вашим статьям. Ведь я – филолог. Была преподавателем университета. Но это в прошлом, до перестройки.

- Приятно встретиться с внимательным читателем, да еще и с профессионалом, - осторожно польстил Вадим Владленович.

Зал быстро наполнялся, становилось шумно и душно. Громче зазвучала навязчивая музыка. Ударник заколотил с упорством машины, вбивающей сваи, и уверенно набирал громкость. Стало трудно говорить. Сонька сбоку смотрела на столичного гостя виноватыми и влюбленными глазами. Это его раздражало.

Первое впечатление, произведенное Марией Александровной, несколько сгладилось. И все же, у Вадима Владленовича покалывало под сердцем от каких-то давних, чувственных воспоминаний. Может быть, от несбывшихся идеалов юности.

- Мне бы хотелось поговорить с вами о журнале! – напрягая голос, чуть придвинулась к нему Мария Александровна.

- Может быть, в номер, к Вадиму? – воскликнула Сонька и с грацией полнотелой женщины, как тучная змея повела бедрами и плечами. – Ах, как бы мне хотелось поработать у вас, - продолжила страстный монолог, прерванный появлением Вадима Владленовича. - Пусть бесплатно. Я – модельер в душе.

«Ловка! – не без ироничного восхищения подумал литератор. - Разом и от поэзии открестилась, и в компанию вклинилась, и наметила для себя перспективу».

- Я могла бы пригласить вас на ужин! – вопросительно взглянула на столичного гостя Мария Александровна. – Может быть, прямо сейчас... Вы свободны?

- Ах, как мне хочется увидеть ваш дом! – плеснула руками Сонька-Танька. Был ее вечер, ее ветер, она как парусник ловила его крыльями и всеми парусами. Похоже, отделаться от нее не было никакой возможности.

- Дом у меня за городом. Здесь, в центре, квартира.

- В сущности, я свободен... Если это удобно, - великодушно кивнул Вадим Владленович, не имея никакого желания отказываться от приглашения. Он уже

понял, что Мария Арт - женщина не бедная, а значит знакомство с ней ему не повредит. Последний вечер в сибирском городе становился многообещающим. Вот только Сонька-Танька никак в него не вписывалась. Впрочем, подыгрывать ей он не собирался, слава Богу, ничем не был обязан, в любой миг мог одернуть или остановить.

Мария Александровна поднялась из-за стола, и то, как она это сделала, снова показалось ему знакомым. Впрочем, женщины с хорошими манерами встречались ему не так уж редко: они так же похожи друг на друга, как и воспитанники улиц. Вскочила и Сонька, будто сорвалась с насеста. Пролетая мимо своего пустующего стола с остывшим кофе, схватила сумку, на ходу опрокинула в себя чашку, прихватила эклер и бросилась к выходу в то время, когда Мария Александровна неспешно рассчитывалась за свой заказ.

- А у вас что? – спросила, окинув взглядом пустующий столик с двумя чашками. – Пустяки! Я оплачу!

«Такие любят ушами! – азартно и вкрадчиво подумал Вадим Владленович, ни словом, ни взглядом не противясь оплате своего заказа. – Случись подобное знакомство в Москве! – затаенно вздохнул. – Уж я бы сумел сделать так, чтобы ее ушки не просыхали». О такой даме он мог только мечтать. Образованные женщины богатели редко, а темные и нахрапистые не могли оценить ни его внешности, ни известности.

В гардеробной грохот музыки уже не раздражал как в зале, здесь можно было говорить, не напрягая голоса. Соньки не было. Вадиму Владленовичу как-то сразу и вдруг стало неловко от тишины и от молчания. Он виновато взглянул на Марию Александровну, засуетился, помогая ей надеть плащ. Проводил ее до холла, торопливо поднялся в номер, чтобы одеться самому. У выхода из гостиницы, за витражами, маячила Сонька в белой, пышной куртке. Пуховка горбатила ее спину, но подчеркивала рельеф ниже.

Был октябрь. Ранние сумерки опускались на город. Ветер шевелил обнаженными ветвями тополей, заметал с сырого асфальта на бордюры желтые листья. Где-то неподалеку приглушенно и устало урчали машины. Но в воздухе, пропитанном нефтяным перегаром и запахом прелой листвы, витал сырой и свежий дух реки. Вадим Владленович знал, что Ангара где-то рядом. И вот, втягивая в себя ее запах, впервые пожалел, что все свободное время просидел в гостинице.

- Моя квартира неподалеку, - сказала Мария Александровна. – Вы не хотите пройтись по вечернему городу?

- Да, конечно! С удовольствием! – ответил Вадим Владленович, не смея взять ее под руку. Он чувствовал себя неловко в присутствии двух женщин, от того, что Мария Александровна могла не весть что подумать о его связи с Сонькой-Танькой.

- Погода прекрасная. Осень. Я так люблю октябрь, - затараторила та, прижимаясь к местной знаменитости с другой стороны. – Ваша прошлогодняя коллекция демисезонной одежды и сейчас у меня перед глазами. О, Господи!

Свободного покроя пальто с пелериной. Серый плащ... Я так мечтала стать модельером, а живу в общежитии у сестры... Я ведь из Зимы. Наверное, хорошо в эту пору в загородном доме, где есть печи. У нас отопление еще не включили. Холодрыга. Бр-р-р! – ловко, как цыганка в танце, она потрясла плечами. Я бы и дворником пошла в загородный дом. Лишь бы была теплая отдельная комната. У вас есть дворник?

- Есть! Охранник и садовник. Хорошую прислугу найти трудно. Все воруют. Все необязательны и ленивы, - без раздражения, как о неизбежном зле, обронила Мария Александровна. И можно было понять, что на Сонькино предложение она выставляла условие.

Трое вышли на набережную. Среди темнеющих крыш золотились вдали купола с крестами. Дородный Государь император в мужицких сапогах и шароварах, сжимал в кулак бронзовую руку, указывая в верховья реки. На другом берегу Ангары сверкала цепочка огней несущейся на запад электрички.

- Читая ваши статьи, я представляла вас иначе, - чуть придвинулась к гостю Мария Александровна. – Вы нисколько не похожи на бескомпромиссного советского интеллигента, каковым представляетесь.

- Щеки лопатой, нос картошкой! – попытался шутить он. Шутка не была принята, не была и услышана.

– Впрочем, не так давно, читая пятый номер, я засомневалась: да атеист ли вы или верующий на свой особый манер?

- Скорей всего атеист и даже материалист, хоть нынче это не модно! – громко как с кафедры продекламировал Вадим Владленович. – Я не считаю нужным что-то скрывать или недосказывать. Уж если идти к Богу, то путем разума и логических умозаключений – только такая вера истинно свободна и прочна. Чувственная вера – рабство!

- Нет таких мужиков, которым нечего скрывать! – некстати вмешалась Сонька. Ей показалось, что она слишком долго молчала. На ее реплику никто не пожелал отреагировать. Но едва найденная нить серьезного разговора как-то сразу оборвалась. Ухмылка же, с каковой была высказана очередная глупость, долго не сходила с лица навязчивой поэтессы.

- По этой улице гулял еще мой прадед: юнкер Артемов. – Разрядила неловкое молчание Мария Александровна. - Он получил ранение возле Белого Дома. Потом долго скрывался после Декабрьских событий и даже сменил нашу фамилию на Арт ... А теперь нам нужно пройти три квартала в сторону от реки. Ничего, что я повела вас кружным путем?

Ее дом стоял в глубине квартала, со всех сторон укрытый от шума проспектов другими зданиями. Строился он явно не для простых смертных, но для партийных работников высокого ранга: просторный подъезд, широкие лестничные площадки. Мария Александровна попросила подождать возле двери и, пощелкав ключами, скрылась за ней. Гости остались за отделанной деревом броней. Отключив сигнализацию, хозяйка распахнула дверь и пригласила войти.

Это были две квартиры, объединенные в одну длинной прихожей.

Вадим Владленович с Соней-Таней прошли в гостиную, устроенную из двух комнат разобранной стеной. За арочным проходом, занавешенным тяжелыми шторами, тускло мерцали полированным деревом два стола с компьютерной техникой. Простенькая печатная машинка без пылинки на клавиатуре, была выставлена под антикварными иконами в углу. В застекленных шкафах шеренгами стояли словари, энциклопедии в старых потемневших переплетах, русская классика в лучших изданиях советского периода. Книги о писателях и серия ЖЗЛ – все, как в музее, без пыли и повреждений, все строго соответствовало логичному порядку этого дома. Три Толстых и литература о них занимали отдельный шкаф.

Пока Вадим Владленович рассматривал книги, Сонька с восторгом вертелась возле телевизора с экраном в полстены и не решалась включить его без позволения хозяйки. В доме было тихо. Вадиму Владленовичу послышались приглушенный хлопок двери и топот в прихожей. Когда их пригласили в другую гостиную, поменьше, стол уже был накрыт. Столичный гость решил, что Мария Александровна сделала заказ в ресторане и служащие, прибыв по вызову, быстро и незаметно сделали свое дело.

- Ах, какая квартира! Какой уют! – закатывала глаза Сонька. Она не находила ни нужных слов, ни междометий, восхищаясь образом жизни хозяйки, комфортом ее жилья и только всплескивала ладошками у подбородка. – Мне кажется, в какой-то из своих прошлых жизней я уже жила в таком доме... То ли буду когда-нибудь жить, - добавила с плутоватой печалью после глубокого вздоха.

- М-да! – неприязненно усмехнулся Вадим Владленович. – Как говорится: чем бы дитя не тешилось... Лишь бы в психушку не попало. Я так подумал, читая ваш поэтический сборник.

- Так вы поэтесса? – удивленно вскинула глаза Мария Александровна.

- Да! Немного! – смущенно ответила Сонька-Танька, передернув плечами, затем залопотала, радуясь, что хоть чем-то смогла заинтересовать хозяйку. – Память прошлого, бывает, так путается с памятью будущего, что уж лучше бы ничего не помнить!

- Нормальные люди не помнят ни того, что было до рождения, ни того, что будет после кончины! – высокомерно съязвил Вадим Владленович. Сонька-Танька покраснела, метнула быстрый оценивающий взгляд на хозяйку, членораздельно и амбициозно объявила:

- Нормальных людей всего лишь качественно отключают от того и другого. Они и стихов не пишут. «Только критикуют!» - прочел в ее взгляде Вадим Владленович. - И как живут! Как живут! – обвела глазами богатый стол, чем слегка смутила хозяйку.

- Я немного всем этим увлекаюсь, - смущенно призналась она. – Мой муж был поэтом. Впрочем, и есть, только мы разведены.

- Кто? – впиалась в нее цепким взглядом Сонька. – Я всех знаю!

- Не важно! – досадливо отмахнулась Мария Александровна.

- Соня – Татьяна в представленном мне сборнике немало рассуждает о Книге Жизни, то есть о бытии вне времени и пространства, - опять съязвил Вадим Владленович. Ему стало досадно от того, что навязчивая бабенка заинтересовала хозяйку: провинция любопытна до всяких туманностей и домыслов. Он хотел уже закрыть тему и ненавязчиво намекнуть, что связывает его с этой самой Сонькой-Танькой. Но поздно: хозяйка была заинтригована.

- Я читала об этом у фантастов, пыталась понять Энштейна, но представить события вне времени выше моих способностей, - призналась она и кивнула Соньке, приглашая сесть.

- Это элементарно. Возьмите любую книгу: ее можно читать с конца, с середины или с начала – все события существуют вне времени. А там, - ткнула пальцем в потолок, - есть предначертание истории человечества и каждой из наших жизней. Перед тем как родиться, мы все это узнаем. Отсюда и предсказания!

- Так вы фаталист! – разочарованно опустила глаза Мария Александровна и стала предлагать салаты, соленья, ассорти, напомнила гостю, чтобы не забывал подливать в бокалы вино. Она все еще терпеливо и сдержанно улыбалась, но в глазах уже мерцали огоньки, от которых у Вадима Владленовича поползли по спине мурашки. Он почему-то знал, или предчувствовал, что предвещает это мерцание. Но, так или иначе, к Соньке она теряла интерес и показывала это. Успокоился и Вадим Владленович. Образ Книги Жизни был недурен. И он пытался вспомнить, у кого сдула его эта взбалмошная бабенка. Но Сонька не унялась и даже разгорячилась.

- Ну, нет! – схватила за бокал. – Для исторических судеб человечества и для каждого из нас есть варианты – лучший и худший. А мы, рождаясь, выпадаем во время, чтобы своей жизнью здесь отредактировать ту самую Книгу! А потому судьба мира в наших руках, – она опять ткнула пальцем в потолок, внимательно и победоносно оглядела слушателей.

Мария Александровна напряженно молчала, глядя в свою тарелку. Вадим Владленович снисходительно усмехался:

- Читал в вашем сборнике, что жизнь – командировка! Идея не нова!

Мария Александровна рассеянно спросила:

- Где можно приобрести вашу книгу?

- Я вам подарю! – радостно вскинулась Сонька, оглядывая стол. Затем, желчно и скаречно процедила в ответ на реплику столичного гостя: - Забросили, так сказать, как спецназовцев, а про жалованье забыли. Кормись, как можешь! Вот гады!

- Это вы так непочтительно о Боге? То бишь, о Святой Троице? – злорадно ухмыльнулся Вадим Владленович.

Туманный разговор разом оборвался. Заговорили о пустяках, то и дело выслушивая восторги или жалобы Соньки-Таньки, жадной до удовольствий обеспеченной жизни.

- Все это я приготовила сама! – повела рукой Мария Александровна, строго поглядывая на гостью. – И квартиру сама убираю. И на даче работаю с землей. Дети у меня есть и внуки. Всем нужна помощь. Видишь, какие у меня руки? – показала Соньке-Таньке и с печалью взглянула на свои ухоженные, но изработанные ладони домохозяйки. – А как иначе? На рынке ничего качественного не купишь... Одно время была у меня здесь уборщица – очень порядочная старушка за семьдесят. Бывало, как посмотрю на нее, работающую – начинаю помогать. Сейчас она болеет, приходится ее поддерживать материально. А сколько просителей? Не говоря о родственниках, одноклассниках и однокурсниках. Уже появились профессиональные попрошайки. На какие только ухищрения не идут. Особенно ваши братья: писатели, художники, артисты. Они теперь вроде побирušек с гослицензией...

Вадим Владленович слегка покраснел и с тоской подумал, что местная богатейка не так проста, как ему казалось, и если содержит любовника, то тому не позавидуешь.

- Да я бы бесплатно убирала. Мне бы только комнату, - поглядывая по сторонам, стала оправдываться Сонька. Она уже откровенно торговалась.

- Это, милочка, не бесплатно. Плохенькую комнатку без мебели меньше чем за сто долларов в этом районе не снимешь. К тому же нужно знать человека, которого впускаешь в дом. Ты где работаешь? – жесткие нотки, пронзительный взгляд и окончательный переход на «ты» испугали разбитную богемную бабенку. На этот раз она искренне смутилась, что очень не шло к ее сметливой мордашке. Сонька-Танька что-то пролепетала, называя фирму.

- И у кого там? – строго спросила хозяйка.

Сонька, чуть помедлив с ответом, полусшепотом назвала фамилию.

- Кофе начальнику заваривать – не профессия! – жестко дрогнули уголки губ Марии Александровны. К тому же этот бездельник уволен полгода назад. Я знаю его историю. И чем ты теперь живешь?

- У меня есть возможность немного зарабатывать! – покраснела поэтесса, стараясь вернуть лицу прежнюю беспечность.

- Какая возможность? – напирала Мария Александровна так, что даже Вадиму Владленовичу стало неловко.

- Не хотелось бы об этом говорить! – Сонька попробовала разыграть печаль, вызывающую сочувствие.

- Тебе под сорок, ты не замужем, у тебя нет детей. Почему? Хочешь в удовольствиях промотать жизнь? Серьезные работодатели к таким людям относятся настороженно. Удовольствия надо оплачивать самому и много работать, если не желаешь жить скромно и быть свободной.

Резко запахло валерианой. Наблюдая за переменами в Сонькином лице, Вадим Владленович не заметил, как Мария Александровна налила и выпила лекарство. На его вопросительный и участливый взгляд, вздохнув, ответила:

- Что-то сердце закололо! Бывает... Я забыла предложить. У меня есть «бордо».

- Французские вина после чая и валерьянки? – сочувственно улыбнулся Вадим Владленович.

- Никогда не пила «бордо», - оживилась Сонька, мгновенно оправившись от смущения.

- Откройте! – Не вставая с места, Мария Александровна обернулась, распахнула буфет за спиной, подала гостю бутылку и штопор, поставила на стол три сверкающих фужера. Он с озабоченным видом плеснул в них вина - темно-красного, как стынущая кровь. Валерианка и обострившаяся беседа были верным знаком того, что до провинциального романа дело не дойдет. Все ограничится знакомством.

Хозяйка посмотрела в свой фужер, кофейной ложечкой выловила из вина соринку и отодвинула его. – Опять подделка! – сказала тихо и смиренно. – Из десяти бутылок – восемь с отравой. Нужно учиться самогон гнать.

- Прекрасное вино! – расщebetалась Сонька. Она снова была весела и беззаботна. - Я про него читала, но никогда не пробовала.

- Тогда забирайте бутылку и смотрите телевизор, - устало предложила Мария Александровна. – Нам с Вадимом Владленовичем надо поговорить. Собственно, для этого мы и собрались... Коробку конфет тоже заберите.

Сонька ушла, внешне вполне довольная предложением. Хозяйка отхлебнула из остывшей кофейной чашки, взяла себя в руки, подняла глаза, которые опять ласково и обнадеживающе залучились, сказала непринужденно:

- Я о многом хотела спросить. Вот вы говорите со мной – ясно и доступно. А пишете, иной раз так, что я по нескольку раз перечитываю одно и то же, чтобы уловить мысль. И все какой-то иностранный сленг. Меня с детства учили языкам, но я не понимаю.

Вадим Владленович вальяжно откинулся на мягком стуле. Скрывая задетое творческое самолюбие, пожал плечами, заговорил громче обычного, будто читал с кафедры:

- Ну, когда пишешь, то представляешь обобщенный образ читателя, к которому обращаешься: это библиотекарь, библиотечный завсегда, иногда учитель,- развел руками: - А вы – филолог с ученой степенью...

- Тогда, может быть, на словах вы объясните весьма странные рассуждения о благополучном советском прошлом. Если они и верны, то только для Москвы. Иркутяне иркутские конфеты привозили только оттуда или из Прибалтики...

- Помилуйте! – со скрытой обидой воскликнул Вадим Владленович и поднял руки. – Эти статьи вышли лет пять назад. Написаны были еще раньше. Что касается меня, то я, столичный публицист, ни при прежнем, ни при нынешнем социально-политических режимах не был обласкан властью и всегда маялся хроническим безденежьем за правду, так сказать. - Он взглянул на Марию Александровну со значением и с намеком: произвел ли на нее впечатление акцент на слове безденежье, повел туманными глазами по стенам, еще непринужденней развалился на стуле. Затем стал въедливо объяснять смысл публикации, усиленно жестикулируя при этом. Статья действительно

получилась путанной, а нынешние оправдания и того туманней. Он это почувствовал, стал нервничать. Она же буравила его прокурорским взглядом, не желая помочь выпутаться из белиберды, которую он невольно понес. Рассуждая, Вадим Владленович вконец запутался, тряхнул головой, плутовато ухмыльнулся. Иностранными языками он не владел, но десяток-другой заученных фраз помнил:

- Qui s`excuse – s`accuse , - пристально взглянул в глаза строгой читательнице, стараясь угадать, поняла ли она по-французски. Поскольку никакой реакции не последовало, добавил по-русски: - Впрочем, кто оправдывается, тот сознает себя виновным, перевел цитату. – Притворно вздохнул, виновато улыбнулся: – У преподавателей таких проблем нет! Но, представьте, вы - издатель, я - автор и принес вам дельную мысль, изложенную в десяти строчках. Под каким соусом вы опубликуете этот жанр?

- Гонорар? – понимающе качнула она гордо посаженной головой и стала накручивать на палец черный с голубизной локон, свисающий с виска.

- Не только. Но и об этом приходится думать! К сожалению...

- А как быть с такими богатейками, как я? Нас тысячи. Никого не грабили, ничего не приватизировали. В начале перестройки я полгода не получала зарплату. С детства любила шить. Стала работать на заказы. Потом объединилась с сестрой и организовала цех, фирму. Теперь помогаю всем, кому это не во вред.

- Аналогии и аллегории, как вы знаете, не всегда точно отражают подлинный смысл, но когда имеешь дело с метафизическими понятиями, к ним невольно приходится прибегать, - Вадим Владленович опять стал туманно оправдывать свои выпады против людей, наживших кое-какой капитал после перестройки, всем своим видом показывая, что ему помощь не вредна. – Я этого не имел в виду! Клянусь! – неожиданно вырвалось у него. И оба они, смущенные, опустили глаза.

Он сел прямо, устыдившись своих откровений, и вдруг с ясностью понял, что после ужина не будет не только ночи на двоих, но такая женщина сможет отказать заезжей знаменитости, если даже откровенно и примитивно попросить у нее в долг. Вадим Владленович стал подумывать, как бы поскорей распрощаться. Он поднял на хозяйку глаза и не удержался от вопроса, который мог быть неправильно истолкован:

- Не примите за банальность: где и когда мы с вами встречались? Весь вечер мучаюсь этим чувством.

- Мне ваше лицо тоже знакомо, хотя мы не встречались. По крайней мере, последние двадцать пять лет. Я – коренная иркутянка, а вы – из Центральной России.

На другой половине дома слишком громко зазвучал телевизор. Сонька рыскала по каналам, наслаждалась большим экраном, мягким креслом и поддельным «бордо». Хозяйка поднялась со стула. Вадим Владленович

догадался, куда и зачем она отправится, шагнул следом, чтобы на правах авторитета, приведшего в дом вздорную бабенку, предложить ей убавить звук.

Мария Александровна остановилась посередине прихожей, возле огромного зеркала, сделанного в стиле XIX века. Поправила прическу, оглядев себя внимательно. По лицу ее видно было, что мысленно она продолжает спорить с гостем. Прихожая, при всей непомерной длине, была узковата.

Проходя мимо, Вадим Владленович взглянул в зеркало. Их взгляды встретились. И он остановился, невольно коснувшись грудью ее прямой, изящной, как у балерины, спины. Это была черта, за которой даже промедление выглядело двусмысленно. И тут, как птица крылья, она слегка подняла руки ладонями к нему. Его ладони коснулись ее ладоней. Будто фотовспышка ослепила: он увидел ее в белом, бальном платье, а себя в сюртуке, из-под которого виднелся темно-синий камзол. Вместо своей, ухоженной, на щеках висели клочья кучерской бороды. Наваждение длилось один миг. Но он успел почувствовать, что находится в столице, что прежде очень не хотел идти туда, где стоял перед зеркалом. Что между ним и женщиной, его женой, была тягостная супружеская размолвка, которая разрядилась случайным прикосновением друг к другу возле этого самого зеркала.

Вадим Владленович резко отстранился, быстрыми шагами проследовал в гостиную. Жестом приказал Соньке-Таньке, чтобы убавила звук и открыл шкаф с книгами Толстых. Где-то здесь была отгадка причуд нынешнего вечера. Редакторская память все ясней и отчетливей указывала, где он видел знакомый полуоборот головы и полуулыбку на смуглом лице.

Полистал одну книгу, другую и нашел, то, что искал. Сходство было поразительным. «Ах, Софья Андреевна!» – невольно вырвалось у него. На душе полегчало. Он закрыл шкаф, с раскрытой книгой прошел мимо Соньки в другую гостиную.

Мария Александровна, подвязав передник поверх коллекционного платья, выносила посуду в просторную и чистую кухню, которая по современным понятиям была еще и столовой. Его возвращение с книгой вносило долю юмора в невольную слабость возле зеркала.

- Вспомнил! – Вадим Владленович показал обложку, затем раскрыл разделенные пальцами страницы. – Вспомнил, где видел вас. – И показал иллюстрацию.

Картинка не произвела должного впечатления на Марию Александровну. По крайней мере, взглянув на нее, она ничего не сказала. Тщательно вытерла руки полотенцем, сняла передник, взяла книгу и, полистав, вернула Вадиму Владленовичу с веселой насмешкой. На иллюстрации Лев Николаевич задумчиво смотрел куда-то в сторону или себе под ноги. Борода по щекам будто кучерскими ножницами стрижена, сюртук был груб и сидел на нем неказисто. Вадим Владленович с невольной гордостью вспомнил свой костюмчик, и аккуратную бороду. Рядом с Софьей Андреевной он бы выглядел эффектней.

Мария Александровна взглянула на него лучистыми глазами. Ледок в них растаял. Они снова обнадеживали.

- В таком случае здесь можно найти ответ и на мое повышенное любопытство к вашей персоне. Впрочем, я уже давно все поняла – ведь я защищала диссертацию по Толстому.

Его мысли снова вернулись к зеркалу. Он считал себя человеком, который управляет страстями, не позволяя им играть собой. Возле зеркала либо произошел срыв, либо это была подсознательная подсказка. Поведи он себя иначе: подыграй Соньке-Таньке с ее Книгой Жизни, вместо того, чтобы бравировать протухшим материализмом – провел бы счастливую ночь в пуховиках местной богатейки, еще бы и упорхнул в столицу с солидной суммой в кармане. А ей бы потом, в благодарность, пописывал чувственные письма.

Он торопливо размышлял, как переменить тональность разговора, но Мария Александровна вдруг помогла ему:

- Судя по тому, что вы пишете, в это трудно поверить, - сказала она вполне серьезно. - Но это, по крайней мере, многое объясняет. Не случайно я обратила на вас внимание в кафе, не случайно когда-то выбирала тему диссертации: в жизни нет ничего случайного. Еще в юности мне казалось, что я жила во времена Толстого и знала его героев. Как знать, может быть, Татьяна права!

Бес подначивал посмеяться над провинциалкой с ее туманными рассуждениями. Но Вадим Владленович взял себя в руки, с серьезным лицом выслушал одинокую и, видимо, несчастную женщину. При этом он старался придать лицу выражение вдумчивого благоговения. А когда она умолкла и надо было что-то сказать, пробормотал со вздохом:

- М-да! На свете много, друг Горацио, явлений странных...

- Слава Богу, в этой жизни вы хотя бы не осуждаете с яростью всякую любовь и интимную связь, - снова заговорила она со страстью.- Кобелей и похоть понять могу, - вдруг отчеканила резко и грубо. – Но ханжества и лицемерия при этом... Как в Крейцеровой сонате... Не-ет!

Она умолкла, усилием воли успокаивая себя. Вадим Владленович по ее лицу понял, что хозяйка смутилась излишней горячности, которую позволила себе. Опять ему надо было что-то сказать. Он поспешно напрягал память, пытаясь вспомнить еще какую-нибудь банальность по-французски, а в голове навязчиво вертелась «же ву пли» - смысл которой он забыл. Но вот, осенило, он шевельнул густыми бровями и со вздохом, который должен был продемонстрировать понимание, пробормотал:

- Ох уж эта de la Sonate de Kreutzer! – и метнул на нее быстрый скрытный взгляд: она должна была понять, если глубоко изучала Толстого. Но Мария Александровна опять никак не выказала своего знания французского языка.

- Вы женаты? – вдруг вскинула на него холодные глаза.

- Два раза... Был.

- Что так?

- Увы! Мне встречается в жизни один и тот же тип женщин: сначала разговоры про любовь, потом цепкая хватка и весьма циничные указы: бросай-ка, дескать, свои литературные забавы, устраивайся на доходную должность и решай их, жен, проблемы... Вот бы Штирлица его жена заставляла идти в отставку, - пошутил с ироничной улыбкой, отводя глаза в сторону. Вспомнился образ из поэтического сборника Сони-Тани. – И рад бы уйти, да ведь убьют: не те, так другие.

Ответ, как ему показалось, успокоил хозяйку и даже задобрил ее:

- Мои требования к женщинам примитивны, - продолжил Вадим Владленович, – не мешали бы заниматься моим делом. Софья Андреевна всю жизнь помогала графу во всех его литературных делах. И если не понимала душевных метаний мужа – можно ли ее в том винить? Не будь у него такой жены, дома, семьи, он бы и не состоялся, как великий писатель. Понимающая жена – большая удача или Божья милость. Это уж как вам угодно.

- Вы так думаете? – взгляд Марии Александровны едва ли не увлажнился. – Приятно слышать.

Вадим Владленович, ободренный ее тоном, осмелел, и даже позволил себе любопытство:

- Откровение за откровение: ваша семейная жизнь сложилась удачней?

Она пересела на другой край стола, стоявшего посередине просторной кухни. Не касаясь спиной спинки стула, положила руки на колени. Чуть поколебавшись, ответила.

- Я была замужем за иркутским поэтом. Вы его не знаете. У меня взрослые дети: сын и дочь. Четверо внуков. Они меня любят. Особенно внуки.

Я перечитывала «Анну Каренину», еще в школе. Мне уже тогда не нравился Левин, тем более Стива, не говоря о распутной истеричке Анне. Но мужа выбрала, как по заказу: и Левин, и Облонский, и Вронский в одном лице... Он ушел к другой. К бурятке, - указательными пальцами Мария Александровна раздраженно оттянула веки искусно подведенных глаз. – Среди них есть красивые, но у этой ноги колесом...

- Видимо очень хотел традиционной семьи, где жена уважает мужа, а не помыкает, - вздохнул Вадим Владленович.

- Никто им не помыкал! – она смахнула невидимую соринку со стола и добавила. – Я обеспечивала семью, редактировала и корректировала его стихи. В издательство и то сама их пристраивала... Кобель. Экзотики захотелось. Он слишком много потерял и если бы не умел находить утешение в себе самом, как я в детях, не знаю как бы жил... И вы много потеряли, не имея детей. Хотя вам еще не поздно.

- Вот уж увольте! – поклонился Вадим Владленович. – В этой жизни у меня есть дела поважней: служение народу, Отечеству, - добавил с пафосом.

- Значит, вы посланы исправлять его ошибки? – грустно и серьезно сказала она

Вадим Владленович уже наверняка знал, как вести себя с этой заносчивой сибирской богачкой.

- И вы, Софья Андреевна? – изобразив на лице безнадежность, вздохнул, повел взглядом по потолку, оклеенному на европейский манер рельефным узорчатым пластиком, по стенам с блестящим кафелем. - На подобные вопросы мне приходится отвечать часто. Но никто не проводил такой явной параллели, как вы, - вкрадчиво польстил хозяйке. – Я всего лишь публицист, а не теософ. При нынешней неразберихе и образованщине, когда то и дело ссылаются на то, чего сами не знают, я всего лишь пытаюсь кое в чем разобраться.

Она молчала, опустил глаза и смежив веки. Ее длинные ресницы подрагивали. Свет лампы над головой бросал из-под них дрожащие тени на ровный овал щек.

- Должно быть, вы воспитывались в семье с традициями? – Вадим Владленович опять попытался перевести разговор на прошлое.

- Да, - оживилась она. – Мне повезло. Я родилась и выросла в большой и дружной семье иркутского профессора. Как младшую дочь, меня все любили. Пожалуй, больше, чем других. Я такой семьи создать не сумела... А вы? – чуть смущаясь, спросила она. – Где вы родились?

- Слава Богу, не на помойке. Но возле нее. – Глубоко и печально вздохнул Вадим Владленович и сделал страдальческое лицо. - Из нашей полуподвальной комнаты видны были только помойка и ноги жильцов с ведрами и урнами. Родители пили, дрались. Я сам себя воспитывал. Так сказать, отталкиваясь от обратного примера. На всю жизнь возненавидел вонь помоек и дух перегара. Таких, как я, из нашего двора вышло мало. Собственно, перед вами – исключение. Остальные последовали родительскому примеру. А рассказываю я так подробно не потому, что жалуясь на детство – там тоже были радости – а чтобы объяснить, коли вы меня так внимательно читаете. - Он торопливо взглянул на часы. – Однако! Не утомил ли я вас? Так быстро пролетело время. Уже и транспорт, наверное, не ходит.

- Такси по вызову работают исправно, - вновь перешла на деловой тон Мария Александровна. – А подобными встречами жизнь не балует. Чаше, знаете ли, приходится общаться с крутыми и грубыми.

- И все же, пора! Благодарю за приглашение, за ужин. Позвольте откланяться. - Он решительно встал и направился в прихожую. Продолжать разговор было опасно. Надо было остановить его на самой высокой ноте, иначе не будет ни ночи, ни денег. - У меня с утра важная встреча!

- Пойдите! – в полуосвещенной прихожей глаза ее казались растерянными, а голос был тревожен. – Вам нельзя уходить с досадой или с обидой.

- Помилуйте, какая обида? Благодаря вам я провел прекрасный, незабываемый вечер.

- И все же что-то не так... Я вызову такси. – Она торопливо набрала номер и сделала заказ. Положив трубку, снова взглянула на него, силилась что-то

вспомнить. – Разрешите вам помочь. У меня с собой есть свободных с десяток тысяч. Возьмите. Вам пригодятся.

- «Нет! Нет! Только не это...», - шутливо пропел он, надвигая шляпу на глаза. - Для обзаведения семьей этого мало. На обыденную холостяцкую жизнь хватает и того, что имею, - при этом он опять вздохнул, как при воспоминании детства.

Она смутилась. Классическое воспитание не предусматривало подобных ситуаций. Вадим Владленович позлорадствовал в глубине души. Скользнул взглядом по ее руке, с удовлетворением увидел в ней банкноты и подумал вдруг: «никакая она не филолог со степенью и не профессорская дочка. Училась на факультете благородных девиц, может быть, слегка пообтерлась в ассистентках. Разбогатела и пыжится теперь выдать себя за благородную и образованную».

– Сама по себе наша встреча – чудо. Наверное, произошел сбой в космических системах, - пошутил он, ухмыляясь и ожидая звонка оператора таксопарка. – В этом мире, или в нынешней редакции, мы, наверное, больше не встретимся.

Она подняла трубку, коротко ответила.

- Серая иномарка.

Он взялся за ручку двери.

- Постой! – Мария Александровна перекрестила его, наклонив к себе голову, поцеловала в лоб. Он с радостью ощутил движение ее руки в кармане плаща.

- Прощай! – тоже поцеловал ее в гладкий лоб, пахнувший дорогими духами. – Дай Бог твоим детям или внукам создать счастливые семьи. Память о них, из рода в род, действительно, вечна и согревает души нескольких поколений! – изрек с пафосом, ощупывая в кармане деньги. Надо было сказать еще что-то. Она ждала. А бес подначивал, и Вадим Владленович едва сдерживался, чтобы не рассмеяться:

- Се ля ви! Же ву туфтаду! – сорвалось с языка. Он был уверен, что французского Мария не понимает. Впрочем, теперь это не имело никакого значения. Крейцера соната в четыре руки была отыграна.

Тяжелая дверь затворилась бесшумно. Он знал, что она будет смотреть на него из темного окна. И эта бабья причуда смешила. На первой же лестничной площадке он вынул деньги из кармана. Считать не стал. Их было тысяча пятнадцать. «Недурно заработал!» – самодовольно усмехнулся и, тихонько насвистывая, вышел из подъезда.

Ночь была черна. На задымленном небе не было звезд. Город затихал. Где-то вдали слышался монотонный гул. Тускло светили фонари. Осенняя сырость зябко проникала под плащ и под костюм, поползла по спине, согревшейся в теплом доме.

Машина стояла рядом с подъездом. В салоне горел свет. Молодой шофер дремал, облокотившись на руль. Из-за стекол доносилось тупое вдалбливание ударника, будто кто-то истерично колотился в замкнутом пространстве. Вадим

Владленович открыл дверцу. «Нас не догонят!» - с отчаянием визгнул бесполой голос. Водитель спокойно и устало поднял голову с рулевой колонки. Вадим Владленович весело устроился рядом и назвал гостиницу.

Машина двинулась, оставляя в ночи уютную квартиру, хлебосольную хозяйку и притаившуюся Соньку. Водитель молча остановил, где было указано.

- Сколько? – коротко спросил Вадим Владленович и вынул тысячную.

Таксист тоскливо взглянул на деньги, отворотил усталое лицо в сторону и буркнул:

- Оплачено по безналичке!

- Ну и ладно! – толкнул дверцу Вадим Владленович, снова ощупывая в кармане деньги.

В фойе гостиницы лопотал телевизор. Охранник в черной униформе, навалившись грудью на стойку, сонно таращился на экран. Вадим Владленович взял ключ, бодро поднялся на второй этаж. В номере было прохладно. Центральное отопление в городе так и не включили. Видно у Марии Александровны был свой, локальный подогрев. Шумно грохотал пустой холодильник. Он отключил его. На тумбочке желтела обложка книжки «Золотая осень». Она так и лежала, раскрытая на последней странице с коварно нарисованным номером телефона.

«Приключение получилось!» - язвительно ухмыльнулся Вадим Владленович. Мимоходом смахнул книжку и небрежно метнул ее в урну. Рассмеялся, довольный точным броском. Быстро разделся, приготовил постель, пошел в душевую. Рубашку нужно было выстирать во что бы то ни стало. Согревшись в душе и постирав, Вадим Владленович развесил ее в самом теплом месте. Глянул на себя, раздетого, в зеркало и остался доволен даже розовеющим носом. Подмигнул отражению. «Живем на свете мы только раз, ваше сиятельство!» – подумал. И накрываясь одеялом, пробормотал слова старой, дворовой песенки:

- Когда монета есть у нас! «Думать не годится, завтра что случится... Спать! Спать!» – приказал себе. Вечер был прожит не зря.

Зазвонил телефон. Отключить его не было возможности: разъема не было. Оторвать шнур Вадим Владленович не решался. После десятого звонка молча снял трубку, втянув ее под одеяло. Металлический голос спросил, не желает ли он провести время в обществе девушки, затем, приснув, рассмеялся.

- Это я! Мырма выпроводила меня следом за тобой. Сунула тысячу и даже не предложила оплатить тачку... А тебе сколько дала?

Он бросил трубку. Поднявшись, сдернул с дивана плед, обернул им аппарат, просунул шнур в проем под внутренней дверью и запер телефон в отключенном холодильнике. Покончив с этим, раздраженно хмыкнул: «Ни дня без пакости и пошлости!»

Спал Вадим Владленович недолго, около пяти часов, но глубоко. Проснувшись, почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. На этаже слышалась ходьба. Он поднялся, потягиваясь, увидел шнур телефона, уходящий под дверь.

Рассмеялся, вспомнив вчерашнюю изобретательность. Под оттаявшим холодильником растеклась лужа. Покрывало с аппаратом подмокло. Но это ничуть не расстроило жильца. Если что и омрачало ясное сибирское утро, так это смутные воспоминания сна.

Вчерашние поэтические бредни о Книге Жизни и о графе Толстом причудливо слились в сновидении. Помнился кабинет главного редактора, куда он шел с командировочным удостоверением. Но вместо главного оттуда выскочил разъяренный старик, похожий на Льва Толстого. Целясь ударить тростью по голове, орал, виртуозно перемежая слова самым низким матом: «Тебя зачем послали, проститут старый? Глянь-ка на себя! За одной щекой бабья титька, за другой золоченый хрен!» Ничего подобного во сне Вадим Владленович не ощущал, а вот брюк на себе, к стыду, не обнаруживал.

Обрывки сна неприятно наплывали и рассеивались осенним туманом. А вот рубашка не просохла. «Вон оно к чему!» – догадался Вадим Владленович и пошел к дежурной за утюгом. Досушить сорочку – было делом пяти минут.

Он стал старательно разглаживать ее. Ткань шипела влагой. И тут дверь за спиной растворилась, звякнуло ведро. Вошла уборщица – пожилая и толстая. Ахнула, увидев лужу в прихожей.

- Холодильник-то кто позволял отключать? – крикнула грубо.

- Спать мешал! – спокойно ответил через плечо Вадим Владленович.

- О как? Спать ему мешают! – на весь этаж раскричалась уборщица. – А убирать кто?

- Кому положено, тот и уберет! – насмешливо ответил жилец, старательно проглаживая рукава. Он понимал, что крик – всего лишь вымогательство доплаты.

- Да я тебя за бороду к дежурной оттащу! – стала подступаться уборщица, грозно размахивая шваброй. Снова вспомнив сон, Вадим Владленович не стал ждать грубости, обернулся и с таким же криком стал наступать на толстуху:

- Да я на вас на всех жалобу напишу! По внутреннему телефону всякие проститутки спать не дают. Холодильник грохочет. Да я здесь по приглашению администрации области! Губернатору, блин, напишу о беспределе!

Наткнувшись на отпор, уборщица подхватила ведро и швабру, хлопнула дверью, мол, сам и убирай! Вадим Владленович вернулся к утюгу и чуть не вскрикнул. Тот опрокинулся прямо на рубашку и дымил. Реле не сработало. Литератор подхватил его и к ужасу своему увидел обуглившееся пятно, которое вывалилось, едва он потянул ткань. Дыра пришлась на спину.

Вадим Владленович глубоко вздохнул, снова ясно припоминая детали сна. Он взглянул на себя в зеркало. «Ну, разве так поступают графья, ваша светлость?» – спросил свое отражение и рассмеялся. Пустяки. Рубашку можно купить в ближайшем магазине. А пока под пиджак надеть пуловер. В городе прохладно. Перспектива раздеваться не светит. Он снова заставил себя улыбнуться, досушил рубашку, надел ее, повязал галстук, еще раз взглянул на себя в зеркало и, вполне довольный внешним видом, запер дверь.

В желтой поникшей листве на деревьях и на асфальте золотились ненавязчивые лучики октябрьского солнца. День обещал быть ясным и теплым. Последнее выступление. Прощальный ужин. Игривые студентки, оттачивавшие профессиональное обаяние на седеющих преподавателях – все, что мог дать этот день, радовало. Вадим Владленович внимательно осмотрелся по сторонам и направился к остановке маршрутных такси.

Визгнув шинами и тормозами, на тротуар вдруг выскочил новенький черный лендкрузер. Вадим Владленович отпрянул в сторону, и даже не взглянул на водителя, чтобы показать, что о нем думает. Машина яростно засигналила. Распахнулась дверца, преграждая путь. Смеясь, из нее высунулась женщина, в которой Вадим Владленович с трудом узнал Марию Александровну.

- Садитесь, подвезу! У меня есть время! – весело кивнула она.

По сути дела, перед ним была совсем другая женщина, мало чем походившая на вчерашнюю гостеприимную хозяйку большой квартиры. На ней были синие джинсы и белоснежный, обтягивавший свитер. Волосы стекали по плечам, и чеканный профиль, казалось, был создан для преодоления преград.

- Это вы? – удивился он. – Как, вы здесь, опять? – спросил озадаченно.

- Очень просто! У меня автостоянка рядом с гостиницей!

- Лихачите! – осуждающе проворчал, усаживаясь на высокое переднее сиденье. – Не страшно?

- Мою машину гаишники знают, - по-своему поняла вопрос Мария Александровна. – Их начальство у меня одевается... В Академгородок? – спросила, не оборачиваясь.

Он молча кивнул, сожалея, что не заказал такси по телефону. Лендкрузер мягко соскочил с бордюра и резко набрал скорость.

- Как отдохнули?

- Прекрасно! – смущение новой встречи, деньгами, перекочевавшими в его бумажник, и навязчивое впечатление сна – все проходило. Возвращалось беззаботное настроение беспроблемного дня. - Ужин подействовал на меня благотворно!

Он снова бросил быстрый взгляд на ее резко очерченный профиль, на распущенные по плечам волосы. Женщина в коллекционном платье с высокой прической и с аристократическими манерами вспомнилась давним сном или надуманным наваждением иркутской ночи.

- Я тоже хорошо отдохнула, - сказала она, не оборачиваясь. – А вы произвели впечатление, - рассмеялась звонко.

И он, щурясь яркому солнцу, улыбнулся самодовольно, как актер, профессионально сыгравший полученную роль. Притворяться больше не было надобности.

- Произвели! – повторила она тише, бросая резкие и быстрые взгляды по сторонам. - Чувствую – не уснуть! Этого мне только не хватало: впереди трудный день. Выбросила все из головы. Таблетку феназепамы под язык. Встала как огурчик. Физзарядка. Таз ледяной воды. И вперед!

Вадим Владленович и вовсе успокоился, мысленно возвращаясь к последним лекциям. «Нас не догонят!» – стал выстукивать пальцами навязчивый мотивчик. «Проста, умна, искренна, сердечна! – иронично думал о сидящей рядом женщине. – А муж сбежал! И неспроста!»

- Вперед! – задумчиво повторила она, поглощенная ускоряющимся движением. – Даже телефон не оставил, думаю... Сбежит опять их сиятельство, не попрощавшись... Снова отыграл de la Sonate de Kreutzer, а за что я souffredouleur* всех его фантазий?

- Что-о? – вскрикнул он, больно вжимаясь лицом в лобовое стекло. Нудно визжали тормоза. Красный свет светофора перед глазами расходился плавными кругами. Разъяренный седой старик с длинной бородой и щербатым ртом: тот самый из сна, бил тростью по бронированному стеклу, от которого Вадим Владленович все никак не мог отодрать свое лицо, и кричал: «Дьявол в человеческом образе!.. Распоясались, капиталисты!»

Иркутский гость видел каждый волосок на его бороде, каждую морщинку на губах, видел сизую картофелину нависшего носа.

- Козел! Козел вонючий! – визгливо кричала на кого-то Софья Андреевна, то есть Мария Александровна в своей новой редакции и, перемежая ругань отборным мужицким матом, грозила сексуальным насилием да еще противоестественным, заграничным, образом.

Вадим же Владленович вдруг восчувствовал удивительный покой, к которому, может быть, стремился всю свою прежнюю, весьма пошлую жизнь. Не было ни боли в теле, ни страха смерти в душе. В его свернутой набок голове, как-то чудно и странно, не текли, но именно звучали пронзительно ясные мысли. Казалось, будто в тишине музея, ни с того, ни с сего, заработали старинные часы. Металлический голос спокойно и вдумчиво, как раскачивающийся маятник, рассуждал, а эхо слегка фонило: «... или смерть, висящая над всеми нами, властна над нами и может разлучать нас и лишать нас блага любви, или смерти нет, а есть ряд изменений, совершающихся со всеми нами, в числе которых одно из самых значительных – смерть...»

Слова эти были очень важны для осмысления происходящего. У кого-то из классиков он читал их, но до глубокого понимания дошел только сейчас. И оно давало удивительный покой его душе в очень незавидном положении тела. Даже в нем он мог бы чувствовать себя человеком значимым, если бы не другая суетная и пустяшная мыслишка. Она билась и попискивала как мышь, запертая в ловушке, не давая полного покоя, злостно копошилась под грудой сокровенного и важного. Вадим Владленович уже не сомневался, что в лучшем случае отделается реанимацией и все никак не мог придумать логичного объяснения для медсестер: отчего плащ, пиджак и пуловер целы, а на сорочке дыра. И от бессилия как-то вывернуться и обмануть, скрипел зубами, стонал и хрипел: «Господи! Господи!».

* козел отпущения (фр.)

